

Вот в каких условиях жизни царицынцы ожидали в августе месяце своего освобождения.

Увы, это освобождение не пришло...

Очевидцы, удравшие из самой пасти управления большевиками Царицына, рассказывают, что в ночь с 17 на 18 августа н. ст. паника среди большевистского управления войсками достигла высшего напряжения. По бывшему штабу округа, ставшему штабом Сталина, Минина и Ворошилова, бегали растерянные «красные», стратеги кто с чем. Никто не знал, что предпринять. Минин был за эвакуацию и сдачу Царицына. Только Сталин еще крепился и надеялся на агитацию в рядах наступающих казаков. Но тем не менее все было погружено на пароходы и в каждый данный момент все те, кто разграбил, разорил и будет продолжать свое злое дело разрушения нашей родины, собирались улизнуть от правосудия.

Сталин крепко надеялся на агитацию. Он частенько поговаривал в спорах о военном искусстве: «Это все хорошо, что все говорят о необходимости военного искусства, но если у самого талантливого полководца в мире не будет сознательного и подготовленного правильной агитацией солдата, то, поверьте, он ничего не сможет сделать с самым ничтожным по количеству, но воодушевленным революционером».

И Сталин, согласно своему убеждению, не жалел никаких средств на пропаганду, на издание газет, на их распространение, на посылку агитаторов...

Наступление казаков кончилось... Рабочие грузолеса, воодушевленные агитаторами, выступили на фронт, и... многострадальный «красный» Царицын еще до сих пор продолжает сохранять это печальное название...

Н. ВАЛЕНТИНОВ (Н. В. ВОЛЬСКИЙ)

Начальник Царицынского фронта

<Из книги «НЭП и кризис партии»>

Значение военных специалистов Троцкий понимал и признавал, конечно, не менее Ленина и на посту главнокомандующего Красной Армией действительно сделал все, чтобы привлечь для формирования новой армии опытных специалистов царской ар-

мии. Так как эти вопросы мне чужды, я не буду останавливаться на стратегических и военных ошибках, которые (о чем в 1924 г. и позднее твердили партийные ненавистники Троцкого) он делал в гражданской войне с Колчаком и Деникиным. Объективно к нему относясь, нужно признать, что часть того, что о нем написал в своей статье Радек, была все-таки верна. От генерал-лейтенанта Литвинова я слышал величайшую похвалу Троцкому. По его словам, у того все данные, чтобы быть «большим настоящим военачальником», и Литвинов добавлял, что это не его личное мнение, а — почти без исключения всех генералов и специалистов штаба Троцкого, людей, с ним близко работающих. Такой же отзыв давал о Троцком другой мне знакомый генерал, Фролов. Именно с этим и не соглашалась та особая группа коммунистов, которая, занимая командные посты во время гражданской войны, абсолютно не признавала специалистов царской армии, называла их всех врагами и изменниками, ни в какую их военную науку не верила и считала, что для побед нужен лишь пролетарский напор, смелость, классовая ненависть к врагу. «Дайте побольше пушек и пулеметов, и мы всех врагов победим».

В 1918 году к таким военным вождям принадлежали: Сталин, бывший слесарь Ворошилов, бывший портной Щаденко, фельдфебель царской армии Буденный и десятки других коммунистов, так называемых «боевиков-партизанов». На этой почве, даже вне зависимости от других причин, их столкновение с Троцким, с его признанием военной науки и военных специалистов, было неизбежно. То, что из этого получилось, можно показать на примере событий у Царицына (будущий Сталинград). Чтобы защитить Царицын от казаков генерала Краснова, сюда приехал Сталин и сюда же Ворошилов привел «красные отряды», сформированные из рабочих Донецкого бассейна. У меня были в 1918 г. особые причины интересоваться тем, что делается в Царицыне: по приказу Сталина там был расстрелян Алексеев — брат моей жены (сын ее матери от первого брака). Их мать Олимпиада Григорьевна Алексеева была очень известная народница, судившаяся в конце 70-х годов по «делу 193». Накануне отъезда в Царицын Алексеев был принят Лениным, знавшим его как сына этой старой народницы. Почему Алексеев был принят Лениным, о чем они говорили, — ни я, ни моя жена не могли установить; известно только, что вскоре после приезда Алексеева в Царицын он и десятка два

офицеров были обвинены в заговоре против Советской власти и по приказу Сталина расстреляны. Ленин, узнав об аресте Алексеева, телеграммой приказал перевести его в Москву для допросов. Сталин этого приказа не послушался, сообщив, что он пришел с запозданием.

Вместе с Алексеевым были расстреляны два его сына — шестнадцатилетний Муся и четырнадцатилетний Паня. Этот мальчик страстно увлекался нумизматикой и чисто по-детски никогда не расставался со своим ящичком с монетами разных эпох. Чекисты Сталина, найдя у него этот ящичек, решили, что он перевозит «золото» к казакам Краснова, и на этом основании подлежит казни. Солдаты, которым было приказано прикончить обоих мальчуганов, не хотели в них стрелять, и сделали это лишь после того, как их уверили, что оба юноши якобы адъютанты «известного белогвардейского генерала Алексеева». Привожу этот факт для характеристики атмосферы, которую создал в Царицыне Сталин. В качестве верховного начальника Царицынского фронта Сталин и назначенный им командующим войсками Ворошилов совершенно не считались с приказами Троцкого. Штабных офицеров, присланных Троцким, Сталин арестовал и посадил в тюрьму на барже, стоявшей на Волге, заявив, что в советах специалистов не нуждается. Лишь после нескольких настойчивых телеграмм Троцкого Сталин освободил из-под ареста этих офицеров. Обращение с ними было таково, что один из них, особенно озлобленный за испытанные унижения (полковник Носович), будучи переведенным из Царицына в Козлов, перебежал в лагерь белых.

Сталин и им поддерживаемый Ворошилов не только не считались с военными приказами Троцкого, но посылали в Москву дерзкие жалобы, обвинения, что Троцкий, якобы умышленно, не посылает на Царицынский фронт нужное вооружение. Тогда Троцкий, обращаясь к Ленину, поставил ультиматум: убрать из Царицына Сталина, и Ленин с этим согласился. А после этого Троцкий приказал и Ворошилову покинуть Царицын. С этого момента эти оба «полководца» затаили лютую ненависть к Троцкому и столкновения с ним продолжались у них потом и на других фронтах. (Позднее, после смерти Ленина, Царицын был представлен как место, где впервые обнаружился «военный гений» Сталина. В честь его Царицын и был переименован в Ста-

линград, а Алчеевка — место рождения другого сталинградского «героя», Ворошилова, сделалась городом Ворошиловском.)

<...>

Не называя его (Троцкого. — *Н. В.*), Сталин писал о полной негодности стратегического плана, который Троцкий предлагал в борьбе против Деникина. Озлобление против Радека высказывали не только Сталин и Ворошилов, но и некоторые другие коммунисты-полководцы, члены революционных комитетов на фронтах и политические комиссары. У них был большой зуб против Троцкого. Он требовал неукоснительного выполнения его военных приказов, а они на это шли с неохотой. В его обращении с ними, несомненно, проявлялась большая надменность, вызывавшая у них отпор и насмешливое наименование его «Наполеоном»; их раздражение усиливалось его помпезным появлением на фронтах в особом поезде, полном удобств, и его большой любовью к позе.

<...>

Картинно говоря, фигура Троцкого, как звезда с усиленным особым блеском, ярким светом зажглась на «советском небе». И появление этой «звезды» — что можно констатировать совершенно бесспорно — вызвало озлобление у большинства верхушки партии, у членов Политбюро, у группы Сталин — Ворошилов и К°. Никакой «оппозиции», лидером которой позднее стал Троцкий, в эти месяцы тогда еще не было. Эта оппозиция появилась лишь много месяцев позднее, в конце 1923 г. Озлобление против Троцкого, желание уменьшить его возросшую популярность, ударить по нем, начать борьбу с ним, сдернуть его с той высоты, на которую его поставили Радек, низовая часть партии и значительная часть делегатов XII съезда, — все это обнаружилось до появления будущей троцкистской оппозиции, а не было ее следствием. В комплексе антитроцкизма в марте и апреле 1923 г. играл грандиозную роль личный момент: и ненависть, и зависть, и нежелание диадохов из Политбюро уступить Троцкому что-либо из «наследства» Ленина. Что это так, о том свидетельствует подпольная борьба с Троцким, начавшаяся уже с мая месяца, то есть (опять подчеркиваю) еще до появления так называемой оппозиции.